

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ» (ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ А. В. ЖИГУЛИНА ОБ Е. А. ЕВТУШЕНКО)

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье впервые анализируются материалы личного архива крупнейшего поэта второй половины XX века, бывшего узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края Анатолия Владимировича Жигулина, рассказывающие о его личных и творческих отношениях с известным писателем и общественным деятелем Евгением Александровичем Евтушенко.

Ключевые слова: Анатолий Жигулин, Евгений Евтушенко, «оттепель», история отечественной литературы и журналистики.

Abstract: the paper first analyses the personal archive of major poets of the second half of the twentieth century, a former prisoner of Stalin's camps, native of the Voronezh region Anatoly Vladimirovich Zhigulin, telling about his personal and creative relationship with the famous writer and social activist Evgeny Aleksandrovich Evtushenko.

Keywords: Anatoly Zhigulin, Evgeny Evtushenko, «the thaw», history of Russian literature and journalism.

Анатолий Владимирович Жигулин (1930–2000) и Евгений Александрович Евтушенко (родился в 1932 году) принадлежат к поколению людей, которых принято называть «поэтами-шестидесятниками». Эти люди родились и выросли в эпоху Сталина, их мировоззрение формировалось под влиянием Великой Отечественной войны, исторических решений XX и XXII съездов КПСС, хрущевской «оттепели». Одни из них даже успели добровольцами «сходить на войну», другие испытали на себе неимоверно тяжкий груз культа личности вождя «всех времен и народов», чудом выжив в исправительно-трудовых лагерях в Сибири и на Колыме, третьи получили трудовую и идейную закалку на целине и стройке Байкало-Амурской магистрали.

В дневниковых тетрадях и записных книжках А. В. Жигулина, хранящихся в фондах Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина [1], много внимания уделяется взаимоотношениям с наиболее яркими представителями этой субкультуры: Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенским, Р. И. Рождественским, Б. Ш. Окуджавой, Б. А. Ахмадулиной, В. Н. Соколовым и др.

Многие из них шагнули в большую литературу со страниц журналов «Юность» В. П. Катаева и «Новый мир» А. Т. Твардовского, ставших после антисталинского XX съезда КПСС оплотом либеральных и демократических ценностей, трибуной писателей-шестидесятников.

Стоит напомнить, что именно на страницах «Нового мира» были опубликованы лучшие произведения Юрия Бондарева, Виктора Некрасова, Василия

Быкова, Григория Бакланова, Ильи Эренбурга, Василия Гроссмана, Владимира Войновича, Чингиза Айтматова, Василия Шукшина, Фазиля Искандера и других писателей, стремившихся в условиях тоталитарной цензуры правдиво и честно отражать действительность.

Важнейшим событием в литературной и общественно-политической жизни страны стала публикация в 1962 году повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (авторское название «Щ-854. Один день одного зэка») – первого произведения о сталинских лагерях. Предтечи «Архипелага ГУЛАГ» – величайшего текста XX века.

Как верно заметил В. М. Акаткин: «После войны, несмотря на тоталитарную подмороженность, повсюду накапливались обновительные силы, в том числе и в литературе. Теперь отчетливо видно: происходила смена эпох и поколений, смена вкусов и ценностей, осадное положение разбавлялось относительными свободами и даже вольностями, военный аскетизм уживался с принципом «красиво жить не запретишь». Старшее поколение поэтов возводило в классики, в уважаемые портреты на стенах – почти наравне с членами Политбюро, а их живые, публичные места занимали молодые. Кто они? Что несут в себе их звонкие, задорные стихи, взрывами аплодисментов встречаемые в залах и на стадионах? Твардовский стал пристально присматриваться и к тем молодым, которые вернулись из окопов и стали перебивать и печатать свои стихи из фронтовых блокнотов, и к новой волне, как говорится, не нюхавших пороха и пуда соли не съевших» [2, 6].

Одним из первых, кто заметил и поддержал А. В. Жигулина в начале творческого пути (что осо-

бенно важно) был известный в ту пору критик, талантливый и неравнодушный человек Анатолий Михайлович Абрамов (1917–2005), впоследствии ставший доктором филологических наук, профессором Воронежского государственного университета.

Вот выдержки из его статьи, опубликованной в газете «Литература и жизнь» 1 февраля 1961 года: «Мы сейчас все чаще говорим о четвертом поколении советских поэтов. К сожалению, разговор нередко ведется узко. Упоминаются Е. Евтушенко, А. Вознесенский и еще два-три имени, что, конечно, мешает понять истинное лицо этого поколения. Думая об этом, хочется рассказать об Анатолии Жигулине, молодом инженере-строителе, уже лет пять серьезно выступающем в поэзии и выпустившем в Воронеже книгу «Огни моего города». Книга А. Жигулина сразу нашла своего читателя. Несмотря на то, что она поступила только в магазины Воронежского книготорга, в продаже ее уже нет. На недавнем диспуте о младшем поколении советских поэтов в Воронежском университете стихи А. Жигулина получили высокую оценку» [3].

В середине 1970-х годов в литературной критике об Анатолии Жигулине сложилось устойчивое представление как о большом поэте, продолжателе лучших традиций русской классики. Ни одна серьезная статья о советской поэзии второй половины XX века не обходилась без упоминания его имени в одном ряду с выше названными поэтами.

Как свидетельствуют дневниковые записи А. В. Жигулина, наиболее искренние и доверительные отношения у него сложились с Е. А. Евтушенко, замечательным советским поэтом, автором канонического стихотворения «Наследники Сталина», отразившего настроения целого поколения:

Безмолвствовал мрамор. Безмолвно мерцало стекло.

Безмолвно стоял караул, на ветру бронзовея.

А гроб чуть дымился. Дыханье из гроба текло, когда выносили его из дверей мавзолея... [4, 182].

«19 августа 1959 года, среда.

Вчера вечером был с Г. Пресманом у Луткова. Гришку встретил по дороге. Беседовали о поэзии, в частности, о стихах Е. Евтушенко, Е. Винокурова. Талантливые поэты!» [Дн. № 47, с. 9].

«20 сентября 1964 года, воскресенье.

...Евтушенко в «Юности» был за мои стихи, за «Сны», «Бурундука» и «Кострожогов». На последнем даже написал: «Прекрасно». Но – увы! – стихи не пошли. Запрещено «Юности» писать о культе» [Дн. № 89, с. 72–73].

«10 мая 1965 года, понедельник.

<...> Читаю поэму Евтушенко «Братская ГЭС». Начало – «Я еду по России», «Монолог Египетской пирамиды», «Песня надсмотрщиков» – очень понравилось. Дальше хуже, хотя я и до половины еще не прочел, но видно, что дальше хуже. Особенно эти иллюстрации к русской истории.

Но как бы там ни было, Евтушенко твердо выходит в большие поэты. Несмотря на поспешность, у него есть главное, что для этого нужно: понимание истории и беспощадно ясное понимание сегодняшних событий. И не только понимание, но и стремление писать обо всем этом. Порою он выражает свои мысли в подтекстах, ибо правду во все времена писать трудно.

Поэт, не понимающий противоречий и бед своего времени или закрывающий на них глаза, или, что хуже всего, сознательно искажающий действительность, – не может стать большим поэтом, как бы ни был он одарен природой» [Дн. № 91, с. 5–6].

Отдавая должное таланту собрата по перу, А. В. Жигулин после внимательного прочтения поэмы «Братская ГЭС» отметил в дневнике и серьезные недостатки этого произведения.

«11 мая 1965 года, вторник.

Прочитал Евтушенко. Сложная вещь – эта поэма. Неровная. Но значительная, как ни крути. Местами вялая, местами великолепная.

<...> Начальство даже трусливее рядовых работников. Их пугает даже не смысл, не внутренняя суть, а буква, слово. Удивительно, как они пропустили у Евтушенко эти запретные слова: «номер», «зеки»?.. Прошли слова запретные. Но экскурсы Евтушенко в «лагерную тему», тем не менее, очень и очень поверхностны. Они только раздражают. Более интересен портрет теперешнего «телефонного человека» в Ньюшкином рассказе» [Дн. № 91, с. 7–9].

«21 сентября 1972 года, четверг.

...Долго сидел и беседовал с Е. Евтушенко. <...> Говорили, в частности, о наших книгах, вышедших в «Современнике». Евтушенко очень удивило, что у меня прошли некоторые стихи о культе и 37 годе. Он их читал, хвалил. <...> Говорили также на «общеполитические» темы. Лагерь. Цензура и т. д., и т. п. Понравилось Жене мое предисловие. О Твардовском, о «Дне поэзии», о многом» [Дн. № 119, с. 175].

«23 сентября 1972 года, суббота.

...Вечером этого дня были на свадьбе у Сергея Алиханова. Невеста – дочь А. Межирова Зоя. Свадьба была в ВТО. Я не хотел идти, но сейчас не жалею, что пошел. Очень хорошо было. Так мило, душевно посидели, поговорили. <...> Особенно Женя много говорил, пока не ушел. Я имею в виду Евтушенко. Он говорил, в частности, о нашем с ним родстве – душевном и поэтическом. Дескать, в основе наших стихов – боль. Это общая, мол, черта. Поэтому мы, дескать, хорошо и понимаем друг друга» [Дн. № 119, с. 179–180].

«11 июня 1974 года, вторник.

Утром – краткая прогулка по набережной к фотокоску (А. В. Жигулин с семьей находится на отдыхе в Коктебеле. – В. К.). А затем до самого обеда были у Жени Евтушенко с Сергеем Орловым и Ирой. Женя зазвал нас послушать стихи. Читал он много: из ав-

стралийского, перуанского, вилюйского и коктебельского циклов. Есть немало интересного, но местами, кусками, в частностях. Женя не всегда может вовремя остановиться, сделать стихотворение чистым, цельным, локальным. Мысль уходит в ответвления, в боковые пути. Наступает перегрузка – и образами, и информацией. Длинноты, разжевывания начинают тяготить, раздражать. Все это идет в ущерб стихам. И я, и Орлов сказали ему об этом. Женя не стал спорить: знаю, мол, за собой эти недостатки, но не могу остановиться.

Возникла сложная, многосторонняя беседа о поэзии. Я прочел стихи: «Чуть слышно кукует кукушка...», «Москва», «Осень», «Сны». С. Орлов читал стихи о Я. Смелякове.

Мои стихи всерьез понравились обоим поэтам. <...> Вспоминали встречи с Твардовским, говорили о Теркине и о военных стихах других поэтов» [Дн. № 129, с. 19–22].

В дневнике А. В. Жигулин откровенно пишет и о тех разногласиях, которые иногда случались у него с Е. А. Евтушенко. Как известно, поэты – народ эмоциональный и весьма ранимый.

«3 апреля 1978 года, понедельник.

<...> Женя Евтушенко неожиданно ко мне подошел, подозвал:

– Толя! Для меня удивительно то, что ты был против моего вечера в Лужниках. А ведь я – ты помнишь – написал письмо в твою защиту, когда ты прочитал стихи в Политехническом. Ты помнишь об этом?

– Да, Женя. Я это помню, спасибо тебе. Что же касается твоего вечера в Лужниках, то вопрос на голосование был поставлен так. Нам дают на 2 вечера Лужники, московским поэтам, всей творческой организации. Есть два предложения об использовании этой возможности: 1) отдать эти вечера Евтушенко и Вознесенскому или 2) провести два коллективных выступления. Из чувства элементарной справедливости я голосовал за второе предложение.

Женя начал спорить – дескать, вопрос стоял не так. Я предложил проверить по протоколу. <...> На счастье подошла Ира. Уже при ней все заново и подробно пришлось повторить. Женя:

– Ты ведь знаешь, что это я завоевал Лужники...

– Ладно, я это знаю. Но не мешает тебе помнить о том, что, когда ты устраивал своими стихами «революцию» в 50-х годах, я в это время еще гнулся... на Колымских урановых рудниках и думал-гадал: то ли будет реабилитация, то ли нет.

– Я в этом не виноват.

– Это тебе, как Штирлицу, информация к размышлению» [Дн. № 167, с. 19–23].

Случай с письмом Е. А. Евтушенко в защиту А. В. Жигулина подробно описан в дневнике писателя. В октябре 1973 года А. В. Жигулин во время своего выступления на вечере в Политехническом музее прочитал стихотворение «Забытый случай»:

Забытый случай, дальний-дальний,
Мерцает в прошлом, как свеча...
В холодном БУРе на Центральном
Мы удавили стукача... [5, 139].

Ортодоксальное руководство Московской писательской организации усмотрело в этом, не опубликованном на тот момент в печати, стихотворении крамолу и попыталось наказать политически неблагонадежного поэта, отмотавшего пять лет по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР на стройках в Сибири и урановых рудниках на Колыме. В защиту А. В. Жигулина тогда выступил ряд известных писателей: К. М. Симонов, В. Н. Соколов, Е. А. Евтушенко и др. В результате скандал с большим трудом вроде бы удалось замять, но последствия того случая ещё долго преследовали поэта: в частности, он надолго стал невыездным в зарубежные страны.

«Позавчера – 28 ноября 1982 года, в воскресенье,
был в ЦДЛ вечер, посвященный еще не вышедшему «Дню поэзии 1982». <...> Вечер в ЦДЛ был хороший. Володя Соколов председательствовал и был мягок и изящен. <...> Я выступал четвертым. Прочел следующие стихи: «Бурундук», «Полынный берег, мостик шаткий...», «Игрушечной нашей любви...», «Упал снаряд, и совершилось чудо...», «Калина», «Черный ворон, белый снег», «Настроение («Обложили, как волка, флажками...»), «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...».

Во время чтения мне четырежды преподносили цветы. Успех просто потрясающий. Полностью владел залом. Читал – словно летел. Женя Евтушенко, сидя рядом со мною за столом, при выступлениях первых трех поэтов демонстративно читал-листал какую-то рукопись. Но когда меня объявили, он рукопись оставил. Потом выразил мне одобрение – люблю, мол, твои стихи про японца и махорку. А одну строку, дескать, надо исправить – Св. Георгий изображается не с пикой, а с копьем. Внимательно слушал меня Женя...» [Дн. № 180, с. 169–171].

Упомянутое Е. А. Евтушенко стихотворение «про японца и махорку» – «Кострожоги» – А. В. Жигулин написал в 1963 году и посвятил его А. И. Солженицыну:

В оцеплении, не смолкая,

Целый день стучат топоры.

А у нас работа другая:

Мы солдатам палим костры... [5, 143].

В середине 1980-х годов А. В. Жигулин и Е. А. Евтушенко, как и многие другие «шестидесятники», с огромным энтузиазмом восприняли смену курса внешней и внутренней политики государства, получившего образное название «перестройка». В «перестройке» они увидели продолжение «оттепели», возобновление надежд на публикацию ранее запрещенных произведений, на запрет цензуры, на появление подлинно независимой писательской организации.

«25 августа 1987 года, вторник.

<...> Я уже лег спать, когда позвонил Евтушенко. Он сказал Ирине:

– У него в «Огоньке» – «Памяти друзей» – феноменальное стихотворение! Феноменальное! И он сейчас так остро чувствует и переживает!? Это потрясающе!

Я еще не уснул и подошел к телефону. Женя говорил мне целый короб восторженных слов, которые и записывать как-то неловко. В частности, его поразила чрезвычайная наполненность стихов чувством. «Нет пустого словесного элемента».

– Ты, кроме прочего, открыл какую-то новую форму стиха. Такого еще не было после Блока! Совершенно не замечаешь, что нет рифмы. Необыкновенная густота. Ты должен написать поэму!

– Женя, я написал роман. Его приняли в «Знамени».

– Слушай, а о подростках там будет?

– Да будет!

Я ему когда-то в Коктебеле рассказывал о КПМ (нелегальная антисталинская организация Коммунистическая партия молодёжи, существовавшая в Воронеже в 1948–1949 годах). – В. К.). Закругляя разговор, я скромно сказал, что рад, дескать, что мы выступили в паре. На это Женя воскликнул с негодованием:

– Я говорю о том, что висит в воздухе. А ты выдаешь свое, что, кроме тебя, никто не знает! Ты открываешь какое-то неведомое пространство!» [Дн. № 229, с. 118–120].

Стихотворение А. В. Жигулина «Памяти друзей» содержит эпиграф: «Имею рану и справку» (Б. Слуцкий) и посвящено событиям, описанным в автобиографической повести «Черные камни» (журнал «Знамя», 1988, № 7 и 8):

Я полностью реабилитирован.

Имею раны и справки.

Две пули в меня попали

На дальней глухой Колыме.

Одна размозжила локоть,

Другая попала в голову

И прочертила по черепу

Огненную черту... [5, 156].

«20 мая 1997 года, вторник.

...Долгая беседа с Людой Абаевой. <...> У Луды писательские заботы и проблемы. Закачался Пулатов, его имущество (дом СП СССР на Поварской) пытается захватить Ганичев. А наш Союз российских писателей немощен и слаб. Трудно ему бороться с Пулатовым, Ганичевым, Савельевым. Люда хочет уговорить Е. Евтушенко стать нашим председателем – для пробивной силы, и меня привлекает к этому делу (уговорить). А Женя живет в США, читает лекции. Приехал в Россию на каникулы. <...> О Лужкове – надо к нему пойти – о СРП поговорить, чтоб помог» [Дн. № 257, с. 158–159].

«Позавчера, 30 июня 1991 года, в воскресенье,

Позвонил, а потом приехал с Мариной Кудимовой Женя Евтушенко. Письмо-манифест о создании независимого союза писателей. Длинный документ. Он прочел мне его вслух. А потом читал по телефону Б. Можаяву и с трудом уговорил его дать подпись. Документ предполагается опубликовать в очередном номере «Литгазеты» [Дн. № 253, с. 4–5].

«11 апреля 1998 года, суббота. Еврейская пасха. День узников.

<...> Передача Евтушенко. Чудо! Молодец, Женя! Сначала шла моя песня на фоне соответствующих кадров – дороги, сопки, лагеря. Читал Женя на удивление хорошо, а говорил обо мне с трогательной любовью, добротой и нежностью. Изумительно говорил и о моей судьбе, и обо мне. Не буду сейчас вспоминать, что он читал. Это «Стихи», «О, люди, люди с номерами...», «Бурундук», «Палачи вы мои, палачи...», «Береза» и что-то я забыл. Лена Троянова обещала сделать мне кассету со всей передачей и два дубля с исходниками песни. Было очень много отзвонков-звонков» [Дн. № 260, с. 179–180].

В передаче на «Радио Свобода», посвященной памяти А. В. Жигулина, Е. А. Евтушенко вспоминал: «Двухтысячный зал кинотеатра «Октябрь» оказался переполнен. Люди подсказывали поэтам забываемые ими строчки, выкрикивали названия любимых ими стихов... Но, пожалуй, самое потрясающее впечатление произвело на всех, когда Толя Жигулин сиплым голосом колымского кострожога запел лагерную песню о том, как «вставал впереди Магадан, столица Колымского края...» Он пел не только голосом. Казалось, пели его затравленные смеляковские глаза, его спина сахалинского каторжника, описанного еще Чеховым. Ноги в невидимых кандалах, перешедших по наследству от Достоевского, были широко расставлены на сцене, как на палубе парохода, который, покачиваясь, приближался к Магаданскому порту – последнему причалу Великой Утопии. Нет, не «Железного Феликса» нужно поставить напротив Лубянки, а Толю Жигулина, в бронзе или граните. Если бы я был скульптором, то именно с него я бы слепил неизвестного лагерника...» [6].

В марте 2015 года независимая общественная комиссия по культурному наследию при администрации Воронежа, рассмотрев обращение представителей литературных и научных кругов, среди которых был и автор этих строк, приняла единогласное решение – одобрить идею установки в областном центре памятника А. В. Жигулину (после определения источников финансирования).

В преддверии предстоящих крупных юбилейных дат – 90-летия и 100-летия со дня рождения Анатолия Владимировича Жигулина – это был бы справедливый и долгожданный шаг по увековечиванию памяти человека, прославившего Воронежский край в своих произведениях.

Также целесообразно, на наш взгляд, уже сегодня начать работу по подготовке научного издания дневника А. В. Жигулина – уникального литературно-художественного и документально-мемуарного документа минувшей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулин А. В. Дневниковые тетради и записные книжки / А. В. Жигулин // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.

2. Акаткин В. М. А. Т. Твардовский и «молодые» поэты 50–60-х годов / В. М. Акаткин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 2.

3. Абрамов А. Один из молодых / А. М. Абрамов // Литература и жизнь. – 1961. – 1 февр.

4. Евтушенко Е. Последняя попытка. Стихотворения. Из старых и новых тетрадей / Е. А. Евтушенко. – М., Советская Россия, 1990.

5. Жигулин А. Далекый колокол. Стихи. Проза. Письма читателей / А. В. Жигулин. – Воронеж, изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001.

6. Евтушенко Е. «Нет, не «Железного Феликса» надо поставить напротив Лубянки, а Толю Жигулина, в бронзе или граните...» Памяти Анатолия Жигулина / Е. А. Евтушенко // Радио Свобода. – 7 августа 2000 года. – URL: <http://www.svoboda.org/a/24198688.html>

*Воронежский государственный университет
Колобов В. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью факультета журналистики
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kolobov V. V., Candidate of Philology, Lecturer of the Public Relations Department
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru*